

Экономическая политика: нужны грамотные расчеты и четкие ориентиры

Участники «круглого стола» на основе анализа итогов социально-экономического развития России за первые три квартала 2014 г. и прогноза развития российской экономики на ближайшие три года, а также собственных исследований тенденций развития отечественной экономики социальной сферы попытались оценить надежность и достоверность прогнозов, выявить возможные угрозы и риски, с которыми столкнется экономика страны в ближайшем будущем, и обсудить возможности решения назревших проблем и корректировки государственной экономической политики.

В последнее время в центре экономических дискуссий постоянно оказывались кредитно-денежная и бюджетная политика властей, их декларируемые и фактические цели и эффективность используемых инструментов. Состояние платежного баланса: сальдо внешней торговли и отток капитала, колебания валютных курсов, динамика цен, реальной заработной платы и доходов населения вызывают беспокойство профессионалов и во все большей степени волнуют общественность. Но многие другие важные вопросы остаются за кадром.

Прежде всего, это проблема инвестиций в основной капитал. Их сокращение с конца 2012 г. вызвало нынешнюю стагнацию производства и отсутствие серьезных структурных сдвигов. Это приводит к потере конкурентоспособности отечественной продукции на внутреннем и внешних рынках, большой зависимости от импорта.

Другая проблема – состояние и перспективы развития рынка труда. Без существенного роста производительности труда дальнейшее повышение заработной платы и уровня жизни населения невозможно, равно как и усиление конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности экономики, ее структурная перестройка.

Что произойдет с российской экономикой при «стрессовом» падении цен на нефть, и насколько реален такой разворот событий, для которого в прогнозе Минэкономразвития РФ на 2015–2017 гг. предусмотрен особый «вариант А»?

Назрела и проблема повышения качества государственного управления. Сейчас нередко поспешно и без надлежащей экспертизы принимаются разрозненные и потому разнонаправленные решения, другие, наоборот, «лежат по сукном» годами.

Разумеется, хотелось бы народнохозяйственные оценки и прогнозы транслировать на регионы Сибири и Новосибирской области.

Эти темы были в поле зрения участников обсуждения – ведущих сотрудников **Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОП) СО РАН, Новосибирск.**

Из «тихой гавани» – к стагнации

В. Е. Селиверстов, доктор экономических наук, зам. директора ИЭОПП СО РАН: – Россия сейчас, к сожалению, вовлечена в общемировые турбулентные процессы, но управлять ими пока не научилась. Несмотря на заверения, что страна лучше других справилась с мировым кризисом 2008–2009 гг. и осталась «тихой гаванью», статистика говорит об ином: все социально-экономические показатели у нас в этот период были самыми плохими среди стран «двадцатки» и многих развивающихся государств.

Хотя реальное восстановление после кризиса началось, впечатляющие докризисные темпы достигнуты не были. И уверенность, что мы движемся в нужном направлении, не оправдалась: начавшаяся стагнация превратилась в стагфляцию с элементами рецессии. Все показатели, в том числе представленные в прогнозах Минэкономразвития РФ на среднесрочную перспективу, свидетельствуют именно о таком развитии событий.

Так, заметно снизились объемы строительства, резко сократилась прибыльность предприятий и организаций: в 2013 г. треть из них объявили себя убыточными. Не было кардинального усиления инвестиционной активности. И самое тревожащее – в первом полугодии 2014 г. снизились реальные доходы населения, чего не наблюдалось даже в кризис 2008–2009 гг., и усиление инфляции лишь усугубит положение.

На фоне благоприятных мировых тенденций ситуация в России выглядит особенно удручающей. Положение сейчас гораздо хуже, чем в кризис, потому что кризисные явления имеют свойство быстро заканчиваться, а стагнация – процесс длительный, поэтому прогнозы о том, что кризис скоро закончится, кажутся чересчур оптимистичными.

Н. И. Сулов, доктор экономических наук: – В прогнозе Минэкономразвития на 2015–2017 гг. мне кажутся завышенными показатели не только базового, но и кризисного сценариев, из-за политического фактора – санкций, которые, возможно, даже будут усилены. Специальных расчетов я не проводил, но думаю, что 3–3,5% падения ВВП в 2015 г. – это вполне реально.

Поскольку в целом темпы роста мировой экономики будут низкими, для увеличения спроса на российское сырье нет оснований. Например, Россия перерабатывает столько нефти, сколько необходимо, чтобы насытить внутренний рынок

бензином, который почти не экспортируется. А для мазута и дизтоплива мировые рынки открыты, конкурентов у России нет. Мазут – высококачественный продукт, востребованный за рубежом для дальнейшей переработки. Но если перерабатывать мазут в России, тогда придется продавать больше нефти, а на этом рынке у нас много конкурентов. Получается, что мазут и дизтопливо идут как buy-products. Конечно, это совершенно неприемлемо, необходимо углублять переработку, но это связано со структурными проблемами, за которыми стоят, в частности, чьи-то интересы.

Для достижения приличных темпов роста требуется увеличить фонд накопления в ВВП, по разным подсчетам, примерно вдвое (если считать по ППС не только ВВП, но и инвестиционные товары). По моим расчетам, к середине 2030-х годов, при приличных темпах роста инвестиций – 5–6%, мы не только не догоним, но будем на уровне фондовооруженности примерно 70% от США. Поэтому о том, чтобы догнать и перегнать Америку, как в свое время ставился вопрос на XX съезде КПСС, говорить не приходится.

Г. А. Унтура, доктор экономических наук: – Для мировой экономики, наверное, темп роста в 2% не столь трагичен – при нем развитые страны не будут жить намного хуже, чем сейчас. Но для России такой темп не обеспечивает даже простого воспроизводства, не говоря уже о том, чтобы догнать развитые страны. Наше отставание будет только консервироваться.

Н. А. Кравченко, доктор экономических наук: – Анализ индекса конкурентоспособности (он основан на данных официальной статистики, которые показывают ситуацию с запаздыванием на несколько лет, и на текущих опросах среди предпринимателей, чиновников, руководителей и т.д.) показывает, что участники рынка менее оптимистичны. Их восприятие подтверждает то, что в 2015 г. нас ждет спад, по моим оценкам, от 1,5 до 4–5%. В Сибири он может быть еще глубже. Но в Новосибирской области из-за особенностей ее экономики спад может быть меньше общесибирского.

В импортозамещение не верит и МЭР

В. Е. Селиверстов: – В ближайшие годы России придется жить в условиях экономического спада, политической изоляции, санкций и других рисков, и мне кажется, страна к ним не очень готова.

Сошлось на исследования известного российского ученого, д.э.н., В.Н. Лексина, который рассмотрел вопрос реальной самодостаточности современной России (понимая ее как минимальную зависимость от других государств, в том числе при формальных обстоятельствах внутреннего и внешнего характера). О какой самодостаточности страны можно говорить, если Россия ввозит почти все необходимые металлорежущие станки, 85% экскаваторов, 75% металлургического, 40% горного и 70% нефтегазового оборудования, более 60% бульдозеров, тракторов и подъемно-транспортного оборудования, почти 40% комбайнов?! При развитой металлургии ввозится 70% плоского проката, 65% нержавеющей стали и 55% проволоки, 70% разных типов труб. Особенно тревожит зависимость в фармацевтической сфере: импортируется более 70% субстанций и готовых лекарств.

Нам нужна боеспособная армия, но мы покупаем за рубежом вертолеты и вертолетоносцы, беспилотники и снайперские винтовки, двигатели к военной технике, а также электронику...

При этом Россия обладает самыми большими в мире промышленными ресурсами, запасами пресной воды и входит в тройку (наряду с Китаем и США) наиболее богатых в этом отношении стран. Но при доле в 9% мировых сельхозугодий она выпускает только 1,5% сельхозпродукции и импортирует 40% от объемов потребления свинины и говядины, 20% молочных продуктов. Хотя есть все возможности в 2–3 раза нарастить объемы сельскохозяйственного производства.

В своей статье в журнале «Регион: экономика и социология»¹ В.Н. Лексин честно признает, что поражение страны в экономических войнах неминуемо при моноотраслевом и экспортоориентированном характере национальной экономики. Это в полной мере относится к России. Поэтому надо быть реалистами и критически оценить заявления о возможности за 2–3 года наладить импортозамещение. Да еще с тем же качеством и по тем же ценам. Чтобы не получилось как с планшетниками, которые когда-то демонстрировал Президенту РФ глава «Роснано» А.Б. Чубайс: этот образец отечественной «инновационной» продукции ничего, кроме слез, не вызывает.

¹ Лексин В. Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2. – С. 7–38.

Сейчас многие повторяют как заклинание, что западные санкции – это новый шанс для подъема отечественной промышленности. Шесть лет назад тоже провозглашали, что кризис – это не только угроза, но и новые возможности, однако что-то не видно примеров реализации таких возможностей в нашей стране (в отличие, например, от Китая).

Н. А. Кравченко: – Стратегия импортозамещения может быть успешна в легкой и пищевой отраслях, но выпускать необходимые нашему производству станки и оборудование с надлежащим соотношением цены и качества мы не сможем... Наши предприятия предпочитают китайские станки отечественным, качество их вполне устраивает.

В. В. Шмат, кандидат экономических наук: – Прогноз МЭР на 2015–2017 гг. очень осторожен в оценке возможностей повышения доли отечественного производства на внутреннем рынке: «Высокая себестоимость отечественных сельскохозяйственных товаров и низкие темпы модернизации инфраструктуры накладывают негативные риски на данное предположение... В части машиностроительной продукции импортозамещение может также быть менее интенсивным в результате сохранения на невысоком уровне конкурентоспособности отечественной продукции... а также низкого уровня процессов технологического обновления».

Эта осторожность из года в год прослеживается и, например, в краткосрочных прогнозах добычи нефти: за последние пять лет еще не было случая, чтобы МЭР проявило тут излишний оптимизм. Складывается впечатление, что министерство постоянно подстраховывается (отнюдь не повышая тем самым надежность прогнозов в целом).

Реплика: – *Квалифицированные специалисты по прогнозам – штучный товар, и когда пишут об участии в разработке какого-либо программного документа сотен и даже тысяч прогнозистов, возникает вопрос: откуда они взялись?*

В. Е. Селиверстов: – Конечно, в некоторых сегментах производства в России есть хорошие возможности, но пока что мы не способны справиться даже с организационными и логистическими проблемами, и, например, при высоких уловах лососевых хорошую дальневосточную рыбу в других районах купить невозможно. Чтобы реализовать шанс на возрождение отечественного производства, нужны огромные инвестиции,

которых нет в достаточных объемах, а те, что есть, направляются более охотно на имиджевые проекты, отдача от которых неясна.

При этом отечественный бизнес не альтруистичен, он спишет на санкции и кризис все свои просчеты и недостатки и будет просить у государства компенсаций. Этот «плач Ярославны» уже слышен со всех сторон. Хотя на деле причина в том, что многие не хотят или не умеют работать.

А в целом каждый последующий прогноз МЭР катастрофичнее предыдущего, в прессе обсуждается уже переход к мобилизационному сценарию экономического развития страны. И хотя пока это скорее фигура речи, но я такого разворота событий, с чрезвычайными мерами и полномочиями, не исключаю... Такой сценарий подчиняется другим законам, и об экономической эффективности здесь речь не идет...

Г. А. Унтура: – Даже при благоприятных условиях я не вижу возможности переключения на оптимистический сценарий раньше, чем через 2–3 года. Если же будет реализован мобилизационный сценарий, тогда нужно четко определить приоритеты, назвать мобилизационных инвесторов – кто будет рисковать, какие регионы окажутся в жестких социальных условиях. А также просчитать, какой ценой достигаются нужные показатели. Любое решение должно быть обоснованным, должен проводиться мониторинг выполнения, чтобы не получилось, что правильные решения опять остались только на бумаге.

Хочу подчеркнуть важность достижения продовольственной безопасности. Здесь придется вложить огромные средства, чтобы добиться такого же качества, как у импортных продуктов. Хотя, замечу, за рубежом наше продовольствие высоко ценится.

Т. Ю. Богомолова, кандидат социологических наук: – Почему-то вопросы национальной безопасности рассматриваются только в военном аспекте. Предполагается, что военно-промышленный комплекс будет работать на переоснащение армии, и за счет этого произойдет рост ВВП. Но ничуть не менее важным проблемам продовольственной безопасности уделяется гораздо меньше внимания. В результате норвежскую семгу заменили чилийской, а отечественной рыбы как не было на прилавках, так и нет. Получается, что волевые политические решения не подкрепляются экономическими. Все, что связано с обеспечением продовольственной безопасности в стране, – это позитивная

цепочка (в отличие от многих других секторов), предпринятые в этой сфере усилия рано или поздно дадут эффект, пусть небыстрый. Но, к сожалению, в прогнозах Минэкономразвития самое заметное сокращение – по темпам розничной торговли.

Для переоснащения нашего продовольственного комплекса покупается более дорогая импортная техника, но никто не учитывает, что при тех условиях, в которых она здесь используется, эффективность ее будет вполтину меньше.

В. Е. Селиверстов: – Безусловно, в условиях кризиса и стагнации нужны грамотные расчеты и четкий ориентир – куда двигаться. Но все прогнозы, в том числе МЭР, постоянно меняются, вместе с курсом доллара, ценами на нефть и т.д. Не думаю, что сейчас решения принимаются на основе расчетов, скорее, принцип мобилизационный: надо – значит, надо... Как в песне: «Нам нужна одна победа, одна на всех – мы за ценой не постоим». Но тут «цена победы» как раз и приобретает первоочередное значение...

Н. И. Сулов: – Здесь встает вечный российский вопрос: что делать? Не ждать чудес, не верить популистским обещаниям. Приличного роста не будет долго. Требуется кропотливая работа в новых условиях уменьшения объема природной ренты.

Курс на отставание

А. В. Алексеев, кандидат экономических наук: – Обсуждая представленные Минэкономразвития РФ макропоказатели, важно учитывать место России в мире, который не стоит на месте.

Мировой экономической форум – швейцарская неправительственная организация, проводящая ежегодные встречи в Давосе, – регулярно публикует Отчет о глобальной конкурентоспособности², в котором представлен наиболее полный комплекс показателей по различным странам мира. Согласно отчету, Россия занимает 64-е место в мире из 148 стран (в 2012 г. – 63-е). Прогресса, как видим, нет. Среди многих причин низкой конкурентоспособности российской экономики я бы выделил инвестиционную составляющую.

² The Global Competitiveness Report 2013–2014. URL: www.weforum.org/issues/global-competitiveness (дата обращения: 12.03.2014).

Сравним фондовооруженность рабочего места в РФ и США (по остаточной первоначальной стоимости основных фондов³). На первый взгляд, подобное сравнение несколько странно: роль российской экономики в мире сегодня совсем не та, что во времена СССР. Тем не менее в РФ поставлена задача «достижения уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века»⁴. Без технологических достижений эту задачу не решить.

В России рассматриваемый показатель в 2012 г. составлял 30 тыс. долл. на работника, в США – 210 тыс. долл. При столь низкой фондовооруженности (при любых способах подсчета, в том числе по ППС, отставание огромное) претендовать на значимое место в мировой экономике не приходится. Есть, правда, и хорошая новость: за 2004–2012 гг. российское отставание от США сократилось почти вдвое.

Но рост стоимости рабочего места – не самоцель, а фактор, задающий уровень производительности труда. А она в РФ в настоящее время более чем втрое ниже, чем в США – 49,5 тыс. долл. и 122,1 тыс. долл., соответственно (ППС, 2012 г.), хотя разрыв постепенно сокращается.

Отметим, что позитивные результаты по росту добавленной стоимости на одного работника – отчасти «лукавая цифра»: они наблюдались в период быстрого повышения цен на топливно-энергетические ресурсы, и естественно предположить, что часть (возможно, немалая) этого роста – не более чем резко увеличившаяся в цене природная рента.

Если это так, то рост производительности труда в РФ определяется не столько развитием производительных сил страны, сколько благоприятной мировой конъюнктурой цен на топливно-энергетические ресурсы. И если сравнить производительность труда по отраслям, где оценки не подвержены рентному искажению, результат ожидаемо оказывается заметно ниже.

Попробуем дать общую оценку минимально необходимых инвестиций, которые позволят довести фондовооруженность народного хозяйства России до американской (по первоначальной

³ Это не лучший показатель для сравнения, но, к сожалению, статистики по рыночной стоимости основных фондов Росстат не ведет.

⁴ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М., 2008. – С. 10.

остаточной стоимости). Если считать по ППС – потребуется 5 трлн долл., по курсу ЦБ РФ – более 12 трлн долл. (последняя цифра ближе к реальности).

Посмотрим теперь, можно ли при нынешних объемах инвестиций преодолеть такое огромное отставание. Динамика инвестиций в основной капитал (без жилья) неплохая: они выросли со 111 млрд долл. в 2005 г. до 343 млрд долл. в 2012 г. Но разрыв остался гигантский: в США объем инвестиций – 1753 млрд долл. (правда, в США и население более чем в 2,2 раза превышает российское).

Отметим, что темпы прироста инвестиций в основной капитал, заложенные в госпрограммах и прогнозе социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., представленном Минэкономразвития (2014–2030 гг., с пролонгацией темпа в 4% с 2026 г. до 2040 г.), *существенно ниже*, чем фактические показатели в 2005–2012 гг., и чем дальше временной горизонт, тем яснее падающая динамика. Конечно, эти прогнозы чуть ли не ежеквартально пересчитываются, программы пересматриваются, но заложенный в них тренд на отставание очевиден, и это не может не настораживать.

Можно ли при таких объемах инвестиций и, главное, темпах их роста, выйти на уровень более-менее развитых стран?

Оказывается, если бы в течение длительного времени удалось удерживать такие среднегодовые темпы роста инвестиций, которые реально были в нашей стране в 2005–2012 гг. (8,5%), то к концу 2030-х гг. фондовооруженность российского рабочего места (с учетом структуры экономики, динамики числа занятых и др.) сравнялась бы с уровнем США. И это с учетом того, что Америка тоже не будет стоять на месте. 8,5% прироста инвестиций в год – высокий показатель, но не фантастический. Именно с таким среднегодовым темпом росли инвестиции в российскую экономику в течение семи лет, включая кризисный 2009 г., когда инвестиции сократились на 13,5% к 2008 г. – также не самому благополучному в отечественной экономической истории.

А. О. Баранов, доктор экономических наук: – Наши расчеты совместно с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН показали, что в ближайшие годы для качественного рывка необходимы темпы роста инвестиций 15–16%, потому что только для возмещения выбытия основных фондов необходимо не менее 5–6%.

А. В. Алексеев: – К сожалению, при темпах роста инвестиций, заложенных в госпрограммах и прогнозе Минэкономразвития, выход России на уровень развитых стран (или хотя бы приближение к ним) по фондовооруженности, а значит, и производительности труда, не просматривается. Точнее, при реализации «оптимистического» сценария, заложенного в программных документах, РФ выйдет на показатель фондовооруженности, достигнутый в США в 2012 г., только в 2039 г. И это фундаментальный вывод – *сохранение отставания страны фактически заложено в программных документах на неопределенно длительную перспективу. А поскольку даже такие скромные темпы вряд ли будут выдержаны, то отставание, скорее всего, возрастет.*

К тому же во многих государственных программах не прослеживается направленности на достижение конкретных целей: об общих ориентирах что-то говорится, но конкретные показатели – что именно предполагается достичь – либо формальны, либо вовсе лукавы (стоит лишь чуть-чуть подкорректировать методику расчета – добиться искомого не составит труда). Настроить работу по госпрограммам так, чтобы инновационная экономика строилась благодаря, а не параллельно им, еще только предстоит.

Реплика: – *В прогнозных показателях нигде не заложены соответствие мировому уровню, ориентация на лучшие зарубежные образцы...*

В. В. Шмат: – При изучении прогноза МЭР РФ невольно складывается впечатление, что прогнозы прогнозами, а реальная жизнь – сама по себе. Отдельные прогнозные наметки сбываются, другие – нет, порой дела идут даже гораздо хуже, чем предполагалось, но зачастую это просто не обсуждается. Неадекватность или ошибочность прогнозов редко вызывают вопрос: а почему так получается или, точнее говоря, почему не получается более-менее достоверно прогнозировать будущее? И главное – претворять эти прогнозы в жизнь?

Видимо, слишком сильна неопределенность, чтобы хоть в какой-то степени сохранить объективность и здравый смысл, в своих попытках предвидеть будущее мы вынуждены ограничиваться оцениванием лишь общих направлений и тенденций. В каком направлении мы движемся, куда и как быстро (или медленно) мы идем? Но даже в этом случае, как показывает

наш опыт сценарного прогнозирования, не удастся получить некий консенсусный прогноз: два базовых сценария («хороший» и «плохой») из трех эксперты считают почти равновероятными⁵.

Наши институты

В. И. Сулов, член-корреспондент РАН, зам. директора: – Предлагаемый в прогнозах темп роста российской экономики на уровне ошибки счета – результат чрезвычайно низкого качества экономической политики и отсутствия источников для развития (правда, я не сторонник сверхвысоких темпов, Россия – одна из немногих стран, обладающих таким значимым сейчас ресурсом для человечества, как свободные территории, поэтому нам надо больше дружить с природой). У наших властей единственная цель – стабильность (таргетирование инфляции и т.п.). Но, как известно, самое стабильное общество – на кладбище.

Понятно, что если ничего не делать, рост будет нулевой или отрицательный! При этом давно описан перечень проблем и действий, которые необходимо предпринять для прорыва, но ничего абсолютно за последние годы не сделано: по-прежнему НДС душил обрабатывающие отрасли, особенно высокотехнологичные, отсутствие льготного налогообложения прибыли не позволяет использовать этот ресурс для развития и обновления фондов, огромная стоимость длинных денег (при наших-то госрезервах!). Государство могло бы финансировать через ЦБ РФ, чтобы тот давал деньги коммерческим банкам под 5–6%, у последних рваческое отношение к своей марже... Все, на чем СССР развивался и стал сверхдержавой, разрушено, сломано, не используется!

Н. И. Сулов: – С имеющейся структурой экономики Россия, на мой взгляд, достигла неких пределов роста. Если не изменить эту структуру, экономический рост будет низким даже в благоприятных условиях, поскольку мировая экономика не может покупать еще больше российских газа, угля, алюминия. Некоторые эксперты утверждают, что мировая экономика будет стагнировать в ближайшие 10–12 лет ввиду того, что базовые технологии (информационные коммуникации и т.д.), за счет которых развивались страны-лидеры, генерировавшие технологический прогресс,

⁵ Карева Д., Шмат В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей»//ЭКО. –2014. –№ 9. –С. 86–106. URL: <http://ecotrends.ru/archive/653-edition-09/1980-2014-06-24-07-18-25> (дата обращения: 08.11.2014).

исчерпали свой ресурс, нужны другие, новые. В странах третьего мира еще остается потенциал роста за счет этих факторов, но в передовых странах его возможности уже исчерпаны.

А. В. Алексеев: – Расчеты по данным 148 стран показали, что для роста конкурентоспособности национальной экономики, ее инновационного потенциала, в первую очередь требуется повысить качество институтов, улучшить инфраструктуру и поддерживать высшее образование и профессиональную подготовку. Продвижение в этом направлении позволит облегчить или в значительной мере решить проблемы с эффективностью рынка товаров и услуг, а также повысить имеющийся уровень технологического развития. При лучшем качестве рынка товаров и услуг и росте технологического уровня, в свою очередь, возрастут конкурентоспособность компаний и их инновационный потенциал.

Можно, конечно, руководствоваться и иной логикой. Например, проигнорировать 133-е место России в мире по качеству институтов и сразу сосредоточиться на повышении эффективности рынка товаров и услуг (134-е место). Однако едва ли такой подход будет успешным: возможные отдельные достижения все равно будут упираться в «главный, нерешенный вопрос» и при очевидно немалых затратах иметь небольшую положительную, а, возможно, и отрицательную эффективность. Более того, качественные изменения в институтах, инфраструктуре и образовании неизбежно изменят сам характер проблем в современном состоянии рынка товаров и услуг, технологическом уровне экономики, конкурентоспособности и инновационности компаний. А это сделает еще менее продуктивными попытки их апгрейда при нарушении представленной логики решения стоящих перед российской экономикой проблем.

Конечно, представленные приоритеты не означают, что остальные проблемы решатся сами собой, но начинать следует именно с них.

Н. И. Суслов: – Я думаю, что институты у нас не так плохи, как часто о них говорят, и они позволяли в относительно благоприятных условиях до 2008 г. развиваться достаточно быстро. Но сейчас структуру экономики необходимо менять. Для этого потребуются инвестиции, а они невозможны без институтов развития.

Что же касается оценки этих институтов через различные индексы, то здесь положение страны во многом зависит от способа их расчетов. В мае 2012 г. Президент РФ в числе прочих поставил задачу выйти к 2020 г. по индексу Doing Business (оценивает

издержки открытия и ведения бизнеса) на 20-е место в мире (в то время Россия была на 120-м месте, 20-е занимала Германия). А к 2015 г. занять 50-ю позицию. И мы стали очень быстро подниматься, выйдя на 112-е, потом 92-е, а в 2014 г. – уже на 62-е место. Но при внимательном рассмотрении оказалось, что во многом это связано с изменением методики подсчетов, хотя были и действительные продвижения. Получается, что задача уже почти выполнена.

Другой пример: ВВП на душу населения по ППС в России в последние годы составлял около 30% от уровня США или чуть больше. И вдруг Мировой банк, который вычисляет и упомянутый выше индекс ведения бизнеса, пересчитал российский подушевой ВВП, и получился скачок до 46%. Неужели лоббирующая сила нашего правительства уже распространилась и на Мировой банк?! Правда, МВФ еще оценивает по-старому, и получается 34% – это больше похоже на правду.

О состоянии среды и институтов в нашей стране говорит такое наблюдение. В российском промышленном производстве производительность труда, в общем, ниже по сравнению, например, с Польшей или некоторыми странами Южной Америки, входящими в тот же дивизион. Но при этом в каждой отрасли есть отдельные предприятия, которые опережают аутсайдеров более чем в 20 раз. Я это объясняю ролью личности в российской неопределенной среде. У нас институты такие, что кому-то позволяют нарушать правила, а другим – нет.

Приведу пример по сельскому хозяйству. Данные обследования по районам Нечерноземья показывают, что мелкие хозяйства угасают, но темпы производства растут за счет крупных агропредприятий, которые за последние 2–3 года в целом по России увеличили производство продукции в четыре раза. Но кто возглавляет эти хозяйства? Это пассионарные люди, часто из бывших председателей или партийных деятелей, комсомольских секретарей, то есть люди с хорошим социальным капиталом.

Это говорит о том, что в России можно делать бизнес и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Но для этого нужны другие условия. Наши предприниматели привыкли к «мутной» среде, и теперь придется предпринять большие усилия, чтобы приучить их работать в жестких институциональных условиях.

Еще одна ремарка – по поводу эффективности проведения стимулирующей макроэкономической политики. Я достаточно

скептически отношусь к тому, что так называемая «монетарная экспансия» в виде кредитов Центрального банка может сейчас или в ближайшей перспективе ускорить экономический рост. Как видим, все эти деньги оказываются на валютном рынке, ускоряя обесценение рубля. Это ситуация классической ликвидной ловушки, когда создаваемая денежная масса не идет в бизнес. В нашем случае она просто вывозится. На мой взгляд, сейчас следует не удешевлять кредиты, а их ограничивать.

Инвестиции и модернизация: преграды росту

Н. А. Кравченко: – В нынешней сложной ситуации, к сожалению, не только отсутствуют необходимые для развития страны колоссальные инвестиции, даже те, что есть, недостаточно эффективны и экономически обоснованы. Так, в Реестре инвестиционных проектов, поддержанных за счет средств Инвестиционного фонда РФ, четыре реализуются в Сибири. По данным на лето 2014 г., они вышли на уровень в лучшем случае 60% от плановых показателей, а некоторые – даже меньше. Остается загадкой: какова результативность использования средств Инвестфонда, сколько создано рабочих мест...

Среди поддерживаемых государством (в лице «Роснано») проектов самые крупные сибирские – это высокотехнологичный комплекс по производству поликристаллического кремния и силана (г. Усолье-Сибирское) и новосибирское предприятие «Лиотех» по выпуску литий-ионных аккумуляторов. Оба проекта в настоящий момент мертвы. Причина, на мой взгляд, в том, что государство диктует, что надо производить, а рынку эта продукция не нужна. Внутренний рынок к этим высокотехнологичным продуктам не готов.

В Усолье-Сибирском должен был производиться поликристаллический кремний – полупроводниковый материал, предназначенный для российской микроэлектроники и формирования новой отрасли солнечной электроэнергетики. Но ООО «Усолье-Сибирский силикон» на проектную мощность не вышло и находится в предбанкротном состоянии. «Роснано» объяснил причину проблем, возникших в этом и других проектах, связанных с солнечной энергетикой, падением цен на поликристаллический кремний с 400 до 16 долл./кг из-за роста его производства в Китае. Сейчас обсуждаются другие варианты развития предприятия, но гарантий успеха не дает даже глава «Роснано».

То же самое произошло с «Лиотехом»: китайский инвестор, которому предполагалось поставлять более 80% выпускаемой продукции, вышел из проекта, а у нас для нее нет внутреннего рынка.

Из-за отсутствия четкой инвестиционной стратегии неуспешны не только государственные инвестиции. Так, одно из новосибирских предприятий в кредит закупило новое оборудование, но оказалось, что оно не обеспечено заказами. Выручка наполовину упала, предприятие – кандидат в банкроты. Важны даже не столько объемы инвестиций, сколько эффективность вложения средств.

Г. А. Унтура: – Инвестиции на возмещение или прирост фондов технологически устаревшего уровня нецелесообразны. Если воспроизводить устаревшую производственную базу России и менять одни станки на другие, которые лишь чуть лучше, никаких инвестиций не хватит. Лучше обратиться к опыту США, Германии, Китая и других стран, где взрывают старые заводы, зачищают площадку, вкладывают инвестиции и получают совсем другое фондовооруженное место.

А. В. Алексеев: – Чтобы снести устаревшие фонды и на их месте построить что-то новое, более эффективное, требуются огромные средства. И даже при интенсивном потоке нет гарантий, что результат получится. Если тонкий слой масла размазывать по огромному бутерброду, будет воспроизводиться старая система, а это путь в никуда – маргинализация экономики, закрепление технологического отставания и т.д.

Г. А. Унтура: – Здесь важен выбор приоритетов: нужно оценить существующие инвестиционные заделы и понять, как их использовать, как получить высокую отдачу от вложений. Например, с учетом санкций надо проанализировать возможность реструктуризации производства, определить, по каким направлениям мы можем двигаться. И распределять имеющиеся инвестиции туда, где они дадут наибольший эффект.

Россия вкладывала большие бюджетные средства в фундаментальную науку – это инвестиции в экономику знаний, здесь есть заметные достижения. И если не развивать отечественные НИОКР дальше, в том числе наращивая инвестиции со стороны частного бизнеса, то импортозамещение в реальном секторе окажется невозможным, а сфере государственного сектора науки и образования грозит потеря конкурентных позиций в отдельных направлениях, например космическом и др.

Среди заделов Сибирского отделения РАН можно назвать три направления, связанные с национальной безопасностью. Это ядерные исследования, которые востребованы во всем мире, есть на них и внутренний спрос. Второе направление – производство катализаторов. Россия – одна из пяти стран в мире, обладающих полным набором катализаторных технологий. Если сейчас будут прекращены поставки катализаторов, внутренний рынок вырастет, эти направления будут бурно развиваться.

Третий инвестиционный задел – это технологические платформы. Среди них есть менее и более успешные, в частности «Медицина будущего», на продукцию которой есть спрос, в том числе и внутренний.

Опыт развитых стран показывает, что пока инновации не перейдут в традиционные отрасли, они не могут поднять принципиально производительность труда, обеспечить рост ВВП, расширить объем новых инвестиций, возможности их перераспределения в высокотехнологичные отрасли и сферу наукоемких услуг. Поэтому не надо противопоставлять ресурсную и инвестиционную экономику: это две стороны одной медали. У нас сейчас появился шанс использовать инновации в добывающих отраслях, в частности нефтегазовой. Это емкий внутренний рынок, поэтому если в мире снизится потребление российских нефти и газа, можно поднять прибыль за счет снижения издержек по их добыче. Если в этой отрасли появится отечественное более производительное оборудование на основе нано- и композитных материалов, для обслуживания которого потребуется меньше персонала, фондовооруженность и производительность труда смогут догнать американскую.

К сожалению, мне кажется, при макропрогнозировании эти аспекты не учитываются.

Н. И. Сулов: – Такое впечатление, что потребители не хотят приобретать инновационную продукцию, а если их вынуждают, то покупают не российскую, а импортную. А мы продаем собственные разработки за рубежом. Из моей сферы интересов – это производство пеллет (топливные брикеты, которые делаются из отходов). Или оборудование для приливных электростанций или фотоэлектрическое оборудование для производства электричества. Как генерировать спрос на инновации в России?

Г. А. Унтура: – Это системная проблема. Чтобы товар пользовался спросом, надо за счет инноваций либо снижать издержки,

либо повышать качество. Пока население не устраивают ни цена, ни качество большинства российских инновационных продуктов. Это относится и к предприятиям. К тому же в России множество устаревших предприятий, которым не требуется качественное оборудование. Один из путей решения этой проблемы предложил академик РАН В. Пармон – введение жестких экологических стандартов на выбросы. Тогда предприятиям ничего не останется, как установить хорошее очистное оборудование. Но, к сожалению, сейчас они приобретут, скорее всего, импортное (если оно не попадет под санкции), потому что у развитых стран отработаны приемы продвижения своей продукции (инвестиционные кредиты, фирменное обслуживание и т.д.).

В МЭР важно выбрать из инициативных предложений бизнес-проектов такие направления вложения инвестиций, где можно добиться реальных успехов, и сконцентрироваться на них, чтобы потом не пришлось делать шаги назад. Частично на эту задачу была нацелена Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности до 2020 г.». Однако в условиях затяжной рецессии ее целесообразно пересмотреть с позиций противодействия введению санкций, недостаточно быстрому росту инвестиций, высокому уровню инфляционных ожиданий.

На мой взгляд, есть два бесспорных направления эффективных инвестиций – продовольствие и медикаменты, за которые платит население. За счет его сбережений при определенных условиях можно было бы создать эту финансовую тягу для потока инвестиций. Не сверху, из ВПК и прочих сфер, а из тех источников, которые связаны с использованием реальных ресурсов и естественного спроса населения.

Нефть – наше всё

В.В. Шмат: – Что произойдет при цене нефти ниже 90 долл./барр.? Уже подсчитано, сколько теряет российский бюджет в расчете на каждый доллар снижения цены на нефть.

Экономисты либерального толка, например С. Гуриев⁶, полагают, что Россия сможет противостоять снижению цен на нефть

⁶ Гуриев С. Россия сможет противостоять снижению цен на нефть, но недолго /The Financial Times//ИноСМИ, 20.10.2014. URL: <http://inosmi.ru/russia/20141020/223782890.html> (дата обращения: 08.11.2014).

примерно пару лет. Эксперты, лояльные к власти, наоборот, исполнены оптимизма. Так, Г. Греф заявил, что экономика страны выдержит снижение цены на нефть до 80 долл./барр.: «Будет сложно, но абсолютно не смертельно – ничего страшного нет»⁷. Зам. главы МЭР А. Ведев утверждает, что экономическое ведомство, как и Банк России, проводят исследования развития экономики при снижении цен на нефть вплоть до 60 долл./барр.: «И при 60 долларах за баррель мы жили, и даже когда-то мечтали о них. Экономика гораздо более адаптивна и устойчива, чем кажется».

Но раз уж наша экономика столь сильно зависит от мировых цен на нефть, следует, наверное, более внимательно посмотреть на сложившуюся рыночную ситуацию. Чем может быть обусловлена нынешняя тенденция к снижению цен? Насколько устойчивой она окажется в будущем? На эти вопросы крайне сложно дать определенные ответы, претендующие на высокую достоверность. Правильнее говорить о *версиях* происходящего.

Достаточно очевидна «военно-политическая» версия. Запад ведет экономическую войну против России, а в сражениях боевые атаки (санкции) нередко переходят в осадные действия, в борьбу на истощение противника.

О том, что снижение цен на нефть является одним из актов «военной кампании», свидетельствуют вроде бы следующие факты. Во-первых, низкие цены на нефть невыгодны не только России, но и Соединенным Штатам, чья нефтедобыча характеризуется высокими издержками. Во-вторых, ведущие нефтеэкспортеры из ОПЕК не предпринимают активных действий по стабилизации рынка, ужесточению квот на добычу (в условиях агрессивного роста добычи в США и сравнительно низкого мирового спроса на нефть). Возможно, из-за политического давления. В-третьих, не исключено, что инспирированное снижение цен на нефть является своего рода компенсацией со стороны США своим союзникам за убытки от антироссийских и встречных санкций.

Следуя «военно-политической» версии, логично предположить, что борьба на истощение продлится столь долго, насколько хватит сил у осаждающей стороны. Если, конечно, не усилится противодействие других участников рынка, не согласных с политикой низких цен на нефть. Не лишена оснований догадка, что ведущие нефтеэкспортеры не вступают в борьбу, выжидая

⁷Коммерсантъ. – 2014. – 14 окт.. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2589712>

своего часа, чтобы разрушить нефтедолларовую систему. Таким видит будущее, не слишком радужное для США, известный американский эксперт Дж. Робинсон⁸.

Но происходящие на рынке энергоресурсов процессы могут оказаться не столь простыми: возникают сомнения относительно того, насколько обоснованны наши представления об уровне и динамике издержек. Действительно ли издержки в «новой» (сланцевой) американской нефте- и газодобыче столь велики, что добыча рентабельна только при цене на нефть не ниже 90–100 долл./барр.?

Сомнения усиливаются при анализе тенденций развития американской химической промышленности, использующей газовое сырье и в конкурентном плане зависящей от цен на последнее. Например, CF Industries оценивает перспективы так: «Североамериканские производители переходят с маргинальных на выигранные позиции». Причина – в более чем двукратном сокращении издержек (из-за удешевления добычи сланцевого газа) в период 2008–2013 гг. Тогда нынешняя ценовая тенденция может оказаться весьма устойчивой во времени, и нам крайне необходимо не дожидаться «хороших» цен на нефть, а встраиваться в новые реалии и учиться жить по-новому.

Сибирь: недооцененный потенциал

В. Е. Селиверстов: – Президент РФ определил развитие Сибири и Дальнего Востока как стратегический приоритет страны XXI века. Вроде бы артикулировано внимание к Сибирскому региону, но многое настораживает как в составе принимаемых мер, так и в том, как они будут реализовываться на местах.

Давайте честно признаем: пока речь идет не о комплексном развитии Сибири и Дальнего Востока, а о проникновении крупных сырьевых корпораций на новые азиатские рынки. И территории востока России рассматриваются здесь попросту как необходимый пространственный плацдарм. В результате происходят укрепление могущества крупных топливных вертикально интегрированных компаний, концентрация ресурсов на новых месторождениях, сырье из которых поставляется за рубеж.

⁸ *Robinson J. Preparing for the Collapse of the Petrodollar System//FTM Daily, 2012. URL: <http://ftmdaily.com/preparing-for-the-collapse-of-the-petrodollar-system/>; Robinson J. The Twilight of American Hegemony//FTM Daily, 16.10.2013. URL: <http://ftmdaily.com/daily-briefing/the-twilight-of-american-hegemony>*

Планы государства по подъему востока России сводятся в таком случае исключительно к поддержке крупного бизнеса, в них очень мало говорится о решении социальных, экологических проблем, о создании особых условий для малого и среднего бизнеса, и в целом – о появлении здесь среды, благоприятной для проживания.

В этих заявленных процессах Сибирь практически не участвует: в проектах задействован только небольшой сегмент (Восточная Сибирь, Забайкалье, отчасти территории, где расположены нефтяные месторождения). Повторяем, цель таких проектов – экспорт энергоносителей, за счет чего пополняется федеральный бюджет. При этом и декларируется создание территорий опережающего развития на Дальнем Востоке с эксклюзивными экономическими полномочиями.

В. И. Сулов: – Хотя по-прежнему звучат заявления руководства страны о развитии Сибири и Дальнего Востока, боюсь, сибирская часть проектов останется нереализованной: средств нет, поскольку, в частности, Крым потребует огромных вложений. Например, недавно я был в Якутске. Туда наконец пришла железная дорога, теперь очень нужен мост, но при нынешних региональных приоритетах, видимо, возможности отрезаны. Похоже, эта необыкновенно богатая ресурсами территория, где развивается мощный алмазно-бриллиантовый комплекс, как и Сибирь в целом, выпала из разряда приоритетных.

Претензии к экономической политике в полной мере распространяются и на сибирские проекты. Скажем, Китай способен сосредоточить огромные суммы на проектах, необходимых для своей страны. А мы? Нам очень нужен транспортный коридор, но, чтобы Транссиб по-настоящему заработал на транзит, нужно создать целую транспортную сетку, вывести дорогу к Белому морю. В Якутии есть уникальное Томторское месторождение редкоземельных металлов (к нему, кстати, сейчас проявляют большой интерес китайцы – монополисты по их производству), но мы закупаем их за рубежом, а свое не разрабатываем. Хотя были обсуждения, проводились конференции⁹.

⁹ Похиленко Н. П., Толстов А. В., Самсонов Н. Ю. Томтор как приоритетный инвестиционный проект обеспечения России собственным источником редкоземельных металлов. – ЭКО. – 2014. – № 2. – С. 22–36.

В. Е. Селиверстов: – Тезис о том, что на Дальнем Востоке нам удастся реализовать инновационное вхождение в АТР на основе создания совместных предприятий с Южной Кореей, Китаем и другими азиатскими странами, я считаю иллюзией. Уже сейчас в регионе не хватает квалифицированных кадров, и показательно, что министр экономики Хабаровского края заявлял о возможности перевода по этой причине мощностей Комсомольского-на-Амуре авиационного завода в... Китай (правда, информация потом была дезавуирована, но осадочек-то остался: уж если некому работать на стратегическом оборонном предприятии, то что говорить об остальных...). Для созданного там Дальневосточного федерального университета трудно найти высококлассных преподавателей.

Т. Ю. Богомолова: – В различных прогнозах социально-экономического развития страны рабочая сила как часть населения представлена очень смутно и расплывчато. Ведь что означает на деле деиндустриализация Сибири? Это в первую очередь депрофессионализация огромных масс людей. Они пошли в сферу обслуживания, в мелкий ремонт, риэлтерские агентства. Однако перспективы у них более чем призрачные. Они зависят от наличия платежеспособного спроса. Но откуда ему взяться, может ли он быть стабильным, когда в обществе происходит поляризация по доходам. И не только на уровне страны – в каждом районе, каждом поселении!

В целом формирование такого класса людей, не имеющих постоянного заработка и гарантий профессионального роста, – это мировой тренд¹⁰. В России таких людей уже *миллионы*. Статистика плохо учитывает, чем они занимаются, каковы их доходы.

Вопрос: – *Создается впечатление, будто власти ожидают, что россияне выдержат всё. А оценивал ли кто-нибудь предел их терпения?*

Т. Ю. Богомолова: – Проведенный нами в 2010 г. в Новосибирской области опрос показал, что практически половина

¹⁰ В 2011 г. в Англии вышла книга «Прекариат. Новый опасный класс» (М.: Ад Маргинем, 2014. – 328 с.). Ее автор Гай Стэндинг относит к прекариату (от лат. precarius – рискованный, нестабильный) как эмигрантов, гастарбайтеров, готовых за копейки гнуть спины, так и гораздо более обеспеченных частично занятых и фрилансеров: дизайнеров, журналистов и т. п. Объединяет их отсутствие перспектив и невключенность в системы, которые бы обеспечивали профессиональный рост.

населения вообще не заметили кризис 2008–2009 гг. Но вовсе не потому, что их жизнь не ухудшилась – просто им терять было нечего! Эти люди никогда хорошо не жили, они постоянно находятся в состоянии стресса и кризиса, и определить предел их терпения очень сложно. Однако все те, у кого есть хоть малейший ресурс для индивидуального выбора, выстраивают собственные стратегии: меняют работу, место жительства. Переезжают из малых городов в большие, из больших – в столичные или за границу. И надо понять, при каких условиях эта часть населения могла бы остаться.

В.Е. Селиверстов: – Все происходящее противоречит стратегическому курсу на модернизацию экономики Сибири за счет развития не только добывающей, но и мощной перерабатывающей промышленности. Получается, что о курсе на комплексное, социально-ориентированное развитие Сибири и Дальнего Востока, за которое много лет выступал наш институт (вспомним труды А.Г. Аганбегяна, А.Г. Гранберга, Р.И. Шнипера, М.К. Бандмана и многих других исследователей) надо забыть – закрепляется только сырьевой характер развития. Поэтому и усугубляются нынешние проблемы пространственного развития Сибири – это деиндустриализация в зоне хозяйственного освоения, примыкающей к Транссибирской магистрали, деградация моногородов и территорий Севера с падающей отдачей недр, а также неурбанизованных территорий, примыкающих к крупным агломерациям.

Что касается перспектив российско-китайского сотрудничества, на которое сейчас возлагаются столь большие надежды, пока оно недостаточно соответствует российским интересам: мы поставляем в основном топливно-сырьевые товары и получаем готовую продукцию (замечу, что китайские партнеры этот топливно-сырьевой уклон хорошо улавливают и подчеркивают на всевозможных конференциях и т.д.).

Такая направленность российско-китайских связей тоже противоречит стратегическому курсу на модернизацию экономики Сибири. В их расширении и оптимизации большую роль может сыграть наука обеих стран, способная сформировать согласованную программу партнерства, в частности в научно-технической сфере, в инновационных взаимодействиях.

Т.Ю. Богомолва: – С инициированной санкциями переориентацией России на страны Таможенного союза, БРИКС, на выстраиваемые с большой любовью и надеждой на перспективу

отношения с Китаем не все однозначно. Проводимые нами в течение трех лет социологические исследования показали, что при отсутствии внятной стратегии со стороны России трансграничные отношения – это своего рода «жизнь на сквозняке», они могут стать черной дырой, в которую уходят силы и ресурсы.

Например, сельское хозяйство Казахстана серьезно дотируется, поэтому когда в связи с созданием Таможенного союза сняли торговые ограничения, наши переработчики кинулись приобретать сельхозпродукцию и сырье в Казахстане. А отечественные сельхозпроизводители остались без сбыта, они разоряются, потому что не могут отдать кредиты. Вся цепочка хранения, переработки выстраивается не в пользу наших аграриев.

В этом смысле Китай разрабатывает долговременную стратегию, которая называется «Вперед, на Запад». Речь идет о том, чтобы переместить население с развитого востока и юга Китая в западные регионы страны, которые нужно осваивать. Пока то, что мы видим в районе г. Маньчжурия, напоминает потемкинские деревни, но эти дома, в которых пока никто не живет, строятся в расчете на то, что когда будет сформирована индустрия (а она формируется, причем – на наших ресурсах, в том числе на использовании отечественной древесины), когда появятся заводы, людям уже будет где жить. Все продумано.

А у нас даже возможность из Забайкальска свободно ездить в Китай приводит к тому, что на российской стороне мелкий бизнес вымирает. Жители Забайкальска ездят в Китай не только лечить зубы, отмечать юбилеи и праздновать свадьбы, но даже мыться, поскольку зарплаты в регионе очень низкие, и люди используют те практики, которые помогают им выжить. В частности, дешевищу товаров и услуг в Китае. В России же остается только мельчайший бизнес, в основном розничная торговля. Эти риски никто не просчитывал.

В. Е. Селиверстов: – Тем не менее не все в Сибири так печально. Несмотря на все угрозы и вызовы, на отсутствие внятной государственной региональной политики и стратегии пространственного развития России и ее регионов, есть все основания говорить о формировании в южно-центральной части Сибири нового крупного центра экономической активности. Об этом свидетельствует и то, что развитие этих территорий, в частности Новосибирской области, не прерывалось даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса.

В этом макрорегионе сформировались не только все институты инновационного развития, но и интересные и эффективные региональные модели управления.

Какие выводы напрашиваются из изложенного? На мой взгляд, необходимо, во-первых, научиться эффективно управлять пространственным аспектом на государственном и межрегиональном уровнях и не повторять ошибок реформаторов 1990-х годов, которые считали, что вначале нужно решить общие проблемы государственного строительства и макрорегулирования, а лишь потом, постепенно перейти к решению проблем регионального развития страны. Во-вторых, отказаться от курса на приоритетные «имиджевые» проекты. И, в-третьих, обратить особое внимание на развитие Сибири, которая на самом деле является главным стратегическим резервом страны. И здесь просто напрашиваются первоочередные меры:

- от концепции чрезмерной региональной конкуренции следует перейти к практике повышения региональной конкурентоспособности;
- резко усилить интеграционные процессы на востоке РФ, создав единый сибирско-дальневосточный блок модернизации всех восточных территорий. Если сейчас будет принят закон только о развитии Дальнего Востока, о всех сибирских территориях можно забыть на много лет;
- воспользоваться новым драйвером развития ряда сибирских регионов – поддержкой ВПК, где могут найти применение многие разработки сибирской науки;
- перейти от практики ручного к эффективному стратегическому управлению, что даст колоссальный эффект, ибо низкое качество российского управления уже стало притчей во языцех;
- возродить на новой основе аграрный сектор Сибири.

К сожалению, реализацию этих предложений могут затруднить противоречия между федеральными интересами, интересами Сибири и ее регионов и крупных вертикально интегрированных корпораций и олигархического бизнеса.

В. И. Клисторин, доктор экономических наук: – Все сошлись во мнении, что те данные, которые представляет правительство, излишне оптимистичны, и скорее всего экономику нашей страны в ближайший год ожидает спад, согласно консенсус-прогнозу, сформированному на нашем обсуждении, примерно на 2%. С большой долей вероятности этот спад продолжится и в 2016 г. и закончится только в 2017 г. За это время, с учетом того, что мировая экономика будет развиваться темпом выше 2%,

произойдет сокращение доли России в мировом производстве, торговом обороте, обмене технологиями и т.д. При этом мы можем довольно точно оценить макроэкономические показатели, там хорошие регрессии получаются.

Первоочередная проблема – это инвестиции в основной капитал и, особенно, их эффективность. Текущая ситуация в экономике существенно отличается от той, что мы наблюдали в 1998 г. или в 2008 г., когда кризисное развитие было спровоцировано внешними шоками. Нынешнее сползание в стагнацию было длительным, и выход на траекторию устойчивого роста может растянуться на годы¹¹.

Но почему произошло замедление темпов роста экономики РФ в 2013 г.? Потому что в 2012 г. началась чехарда, перешедшая в стагнацию инвестиций. Именно из-за ситуации с инвестициями неизбежен спад в следующем году. Все остальные факторы будут играть вспомогательную роль. Более того, если в 2015 г. произойдет отрицательный прирост инвестиций, как это предусмотрено в прогнозе Минэкономразвития, то гарантирована стагнация и в 2016 г. Видимо, приоритетом Правительства РФ является поддержание текущего потребления даже в ущерб экономическому росту.

Второй момент – вопрос о производительности труда. В стране происходит некая разбалансировка секторов экономики, которые могут генерировать предложение высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест. С одной стороны, они концентрируются в государственном секторе, крупнейших компаниях-экспортерах, производящих традиционную продукцию, и финансовом секторе. С другой – структурная перестройка экономики должна опираться на глубокую переработку сырья и инновации. Как было показано, институты и инструменты, используемые в этой области, пока не привели к значительной отдаче.

При этом за высококвалифицированных работников существует достаточно жесткая конкуренция. В частности, госсектор предъявляет большой спрос и генерирует высокооплачиваемые рабочие места, что провоцирует рост зарплат и издержек в частном секторе, и как следствие – снижение конкурентоспособности последнего. И мы подошли к пониманию того, почему это происходит.

¹¹ Аганбегян А. Г. России требуется политика форсированных и эффективных инвестиций//ЭКО. – 2014. – № 7. – С.6–11.

У нас слабо работают процедуры и институты выбраковки некачественных рабочих мест, плохих производств, разрыв в производительности труда может различаться по одной отрасли в десятки раз. С одной стороны, имеется потенциал роста – передовики это показывают. С другой – непонятно, что делать с теми, кто замыкает эту линейку. Возможно, здесь наблюдается конфликт между экономическими и социальными целями, либо мы сталкиваемся с проявлениями теневой экономики или чем-то иным.

Что касается Сибири, доля тех проектов, которые готово финансировать государство или хотя бы рассматривает как стратегические, на этой территории значительно ниже, чем в среднем по стране. В прогнозе Минэкономразвития указано, что при всех вариантах сценарных условий Сибирь будет развиваться медленнее, и инвестиции будут относительно меньше. Это означает, что если в целом по стране произойдет спад, например, в 2%, то в СФО – на 3%. Это не факт, но есть такие опасения. По-видимому, значительная часть территории Сибири не попадает в число приоритетных в государственной региональной политике. Создание профильных министерств по Дальнему Востоку, Северному Кавказу, а теперь еще и Крыму как раз и отражает приоритеты.

Новосибирской области, благодаря более диверсифицированной экономике, как и при прочих кризисах, удастся преодолеть спад легче, чем в среднем по стране. Но если будет выше мобилизация ресурсов в бюджетной системе и ее приоритеты изменятся в части снижения расходов на здравоохранение, образование, науку и поддержку региональных бюджетов, то ситуация в области может ухудшиться. Кроме того, предполагается повышение налогов и введение сборов, которые в первую очередь затронут малый и средний бизнес. Поэтому риски для экономики Новосибирской области могут существенно возрасти.

Если посмотреть все бюджеты после 2000 г., расходы на национальную безопасность ежегодно увеличивались примерно на 25% в номинальном выражении. Реально это 5–6–10% в год. Возникает вопрос, какова эффективность этих инвестиций? Может ли такой маневр обеспечить нам прорыв в машиностроении и послужить некоей базой для роста спроса на отечественные разработки, исследования, в том числе и в других отраслях экономики? Этот вопрос остается открытым. Если за 12–14 лет особого эффекта не обнаружено, может оказаться, что это все выльется просто в рост цен. Но в оборонно-промышленном комплексе процесс

импортозамещения будет идти достаточно интенсивно, что скажется на темпах роста обрабатывающей отрасли и промышленного производства в целом.

Но, думается, несмотря ни на что, бюджет будет выполнен, потому что инфляция окажется примерно вдвое выше прогнозируемой, и номинально можно исполнить бюджет, даже если вместо небольшого прироста мы получим вполне приличный спад.

Постскриптум

Одной из важнейших функций государства является информирование субъектов экономики о ситуации в стране и собственных планах. Это снижает транзакционные издержки и неопределенность при принятии решений, что способствует экономическому росту. Но часто политики и чиновники считают своим долгом излучать уверенность и невольно приукрашивать действительность. Излишне оптимистичные оценки и прогнозы могут производить впечатление на рынки, но злоупотреблять этим нельзя, поскольку может возникнуть феномен недоверия к официальной информации, и этот фактор будет учитываться в индивидуальных прогнозах. Примеров тому в российской истории предостаточно: заявление в августе 1998 г. о том, что Правительство и Банк России не допустят девальвации рубля, прогноз на 2009 г., предусматривавший рост ВВП свыше 5%, и т.д.

В настоящее время есть опасность того, что Правительство РФ и денежные власти своими официальными высказываниями и, главное, принимаемыми решениями будут провоцировать нарастание недоверия в обществе и усиление неопределенности. А это легко трансформируется в инфляционные ожидания, снижение склонности к инвестированию, усилению оттока капитала и даже панике на товарных и финансовых рынках. Поэтому именно сейчас взвешенные оценки, достоверные прогнозы и тщательная экспертиза принимаемых решений так важны для отечественной экономики.